

Интервью

VR В этом номере интервью особенное. Речь идет об основательнице российской экономической социологии – [Т.И. Заславской](#)¹. Особенно приятно то, что интервью записано в год 75-летнего юбилея Татьяны Ивановны, который праздновался недавно в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы одновременно с презентацией ее новой книги «Социетальная трансформация российского общества» (М.: Дело, 2002). Еще раз поздравляем Татьяну Ивановну!

Заславская Татьяна Ивановна. 26 февраля 2002 г.

Интервью состоялось в очень подходящей обстановке – в библиотеке Московской Высшей школы социальных и экономических наук. Татьяна Ивановна дважды откладывала его, говоря, что хочет собраться с мыслями. Она потрясающе ответственный человек. Особенно если учесть, сколько интервью ей приходилось давать до этого...

* * *

– Мне хотелось бы узнать Ваше мнение о состоянии современной экономической социологии вообще и в России, в частности.

– Прежде всего, я не считаю, что работаю в области экономической социологии...

– Вот это да! Вы же, по общему признанию, являетесь основателем этого направления в России.

– В каком-то смысле это действительно так, хотя правильнее было бы сказать, что у истоков российской экономической социологии стояли мы с Р.В. Рывкиной. Она в этом отношении сделала не меньше, чем я. Но мы ведь говорим о сегодняшнем дне, а я с 1995 г. занимаюсь более широкой темой – исследованием социального механизма трансформационного процесса в России. Когда я приступала к этой теме, то считала себя экономсоциологом, но новая тема потребовала значительного расширения интересов. Ведь трансформация российского общества – многокомпонентный, многосторонний процесс, все стороны которого тесно связаны. Объяснить социально-экономические сдвиги, происходящие в нашем обществе, абстрагируясь от политических, правовых, культурных процессов, невозможно. Это становится особенно очевидно благодаря ежегодному проведению симпозиумов «Куда идет Россия?..» Как его президент и редактор трудов я первой получаю

---

¹ Заславская Татьяна Ивановна – доктор экономических наук, академик РАН, сопresident Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра), почетный Президент Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), член академии Европы, почетный член Польской Академии наук, почетный доктор философии Оберлинского колледжа, Джорджтаунского и Пенсильванского университетов (США), университета Хельсинки (Финляндия), член международного социологического института. Т.И.Заславская – лауреат премии им. Карпинского (Фонд Тёпфера, 1989, ФРГ) и Демидовской премии (Демидовский фонд, 2000, Россия, Екатеринбург). Создатель Новосибирской экономико-социологической школы.

Область научных интересов: методология социальных наук, общая, институциональная и экономическая социология, теории посткоммунистических трансформационных процессов.

все его материалы. И должна сказать, что для понимания моей темы доклады историков, экономистов, политологов, культурологов не менее важны и интересны, чем социологов.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть преемственность моих современных исследований по отношению к прежним. Дело в том, что в центре развивавшейся нами концепции экономической социологии находилась категория *социального механизма развития экономики*. Все остальные разделы читавшегося нами курса экономической социологии и готовившейся монографии «Социология экономической жизни» подчинялись именно этой идее. Мы считали, что представление о социальном механизме (или механизмах) развития экономики позволяет выявить глубинные недостатки действовавшей экономической системы и предложить пути ее радикального совершенствования. Сейчас предмет моего исследования расширился, это уже не экономика, а общество. Но методология осталась прежней. И в деятельно-структурной концепции трансформационного процесса в России, которую я сейчас развиваю, центральное место, как и прежде, занимает понятие социального механизма, обеспечивающего воспроизводство и развитие этого процесса. Конечно, за 20 лет мое представление о строении и принципах функционирования внутренних механизмов социальных процессов изменилось. Но убежденность в реальности их существования и важности познания только усилилась.

Так что, когда мне приходится формально определять свою специальность, я пишу либо «социология, экономика», либо «экономическая социология». Но это – как бы мой дом, откуда я вышла и куда время от времени возвращаюсь. Реальную же область своего «обитания» я, скорей, определила бы как обществоведение, в центре которого – проблемы социально-экономического развития России.

– Вы знаете, это вполне естественно для многих исследователей – не замыкаться в рамках одной дисциплины, поскольку интересы выходят за ее рамки.

– Разумеется, Вы правы, но все же есть разница, когда исследователь уделяет своей специализации 70% внимания, а «окружающей среде» – 30%, или наоборот. У меня как раз наоборот... Сейчас я отношусь к экономической социологии...

– Как к одной из областей интереса?

– В общем – да, но скорее, все-таки, как к одной из *главных* областей интереса.

– Понятно, что в какой-то момент Ваши интересы стали намного шире, чем экономсоциология. Но если мы вернемся к тому начальному периоду, в какой момент Вы начали определять себя как экономсоциолог? Когда примерно это случилось и при каких обстоятельствах?

– При каких обстоятельствах это случилось? Абул Гезевич Аганбегян, который был научным куратором экономического факультета Новосибирского университета, где я тогда работала, придавал огромное значение социологии вообще и социологическому образованию в частности. Надо сказать, что он был инициатором сначала чтения курсов по социологии экономистам (где-то с 1972–73 г.), а затем организации социологической специализации. Сначала читался всего один социологический курс, потом их становилось все больше и больше, и наконец, появилась самостоятельная специализация. Конечно, мы поддерживали движение в эту сторону, но все-таки очень важно, что нам не только не приходилось бороться, но нас еще и подталкивали. Правда, назвать специализацию «социологией» мы не могли. Ведь все студенты экономического факультета МГУ получали диплом «Экономическая кибернетика». Поэтому нашу специализацию пришлось назвать «Математические методы в социологии». А дипломы нашим социологам все равно выдавались экономические.

Со временем возник вопрос о том, что мы находимся в неравном положении с другими специализациями. У нас специализация начиналась с четвертого курса, и

основополагающими курсами были, во-первых, методология и методика социологического исследования и введение в социологию, а во-вторых – математические методы. Причем до четвертого курса студенты чистую экономику учили. И когда они выбирали специализацию в конце третьего курса, то вообще ничего о социологии не знали. Нужен был курс, который читался бы раньше – хотя бы на третьем курсе. И тогда мы задумались, какой наиболее общий курс мы должны читать студентам-экономистам, чтобы приобщить их к социологии. Ведь каждый научный сотрудник социологического отдела ИЭиОПП СО АН, которым я руководила, занимался чем-то своим. Я, например, тогда разрабатывала методологию системного изучения деревни. Но очень странно, если бы на *экономическом* факультете всем студентам стал читаться такой курс. Он, конечно, был на нашей специализации как спецкурс, но для всего факультета нужно было что-то значительно более общее. И тогда мы задумались о том, а в какой, собственно, области работает наш коллектив? И пришли к выводу, что ни в социологию труда, ни в социологию села наши интересы не укладываются. А к этому времени мы как раз подготовили исследовательский проект под названием «Социальные механизмы развития экономики (на примере АПК)». Поскольку его готовил мой сектор (у нас примерно половина отдела была в этом секторе социальных проблем села, поэтому и было «на примере АПК»). Но сам по себе замысел был значительно шире. И именно он нашел отражение в проекте, который обсуждался на известном научном семинаре в 1983 г. Семинар задумывался как обсуждение исследовательского проекта, а не моего доклада, но фактически вылился в обсуждение доклада, сделанного, так сказать, в дополнение к проекту.

– *Вы имеете в виду нашумевший доклад, вокруг которого*²...

– Да, да. Мы сделали этот коллективный проект, примерно около десяти печатных листов, и поскольку мы придавали ему исключительное значение (он действительно был тогда существенно новым), разослали его в десять академических институтов экономического и социологического профиля, включая региональные институты, т.е. не только в Москву и Ленинград, но и в Пермь, Уфу, Свердловск – в общем, туда, где были основные социологические центры. Это было сделано еще осенью 1982 г. И к нам стали поступать всякие отзывы, а ближе к апрелю 1983 г., моменту семинара, посыпалась лавина просьб пригласить на семинар. То есть информационная волна разошлась широко.

Собственно говоря, цель семинара была в обсуждении нашего проекта, потому что мы понимали, что вылезает за пределы того, чем обычно занимались. Наш семинар носил междисциплинарный характер. Там были экономисты, юристы, социологи, философы и многие другие (профессиональных политологов тогда не было вообще).

– *Слов «экономическая социология» в 1983 г. еще, видимо, не было.*

– Нет, были, потому что название доклада заканчивалось словами: «... и задачи экономической социологии». В самом проекте этого еще не было. Значит, в это время и рождалась эта идея. Работа над проектом шла не один день. Если осенью 1982 г. он был готов, значит, мы над ним работали как минимум с конца 1981 г. В те времена особой спешки не было. В процессе работы над проектом «Социальные механизмы...» сотрудники социологического отдела ИЭиОПП СО АН очень четко осознали, что здесь каждый сможет найти свое место, потому что тема очень широкая, целостная, и в ней находится место для всех исследований. Это и помогло нам сделать выбор в учебном процессе. Мы пришли к выводу, что по-видимому, общая сфера наших интересов и нашей работы – *социальные механизмы развития экономики*. Причем это – не социальная сфера экономики, а нечто совсем другое. Это социология *внутри* экономики, внутри экономических отношений – социология экономических отношений, социология экономической жизни. И тогда мы (как

---

² Текст доклада приводится в кн.: *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. – 568 с.

бы авансом), в общем-то еще толком не представляя себе, что это за наука и, вообще-то говоря, не читав специальных работ в этой области, решили, что курс, который надо читать, будет называться «Экономическая социология».

– *Это было коллективное решение?*

– Коллективное, кафедра наша решила.

– *А откуда это взялось?*

– Да ниоткуда. Сами придумали, и всё. Я не думаю, чтобы был какой-то особенный источник. Конечно, мы с Р.В. Рывкиной были руководителями, и можно было бы сказать, что это мы придумали, но это не главное. А вот после того, как мы это придумали, то стали размышлять над тем, что же это такое – экономическая социология. Стали смотреть в энциклопедиях определения всяких смежных наук: что такое физическая химия, химическая физика, биологическая физика и пр. И пришли к выводу, что хотя единой закономерности в определениях этих смежных наук не было, но преобладала такая тенденция, что существительное (физика, химия, биология), как правило, относится к методологии, а прилагательное (химическая, физическая и др.) – к той сфере исследования, к которой она прилагается.

– *Объект.*

– Да, объект. И тогда нас это устроило: не социальная экономика, а *экономическая социология*. То есть исследование экономики социологическими методами. Но на практике все мы, конечно, работали в таких сложившихся областях, как социология труда, социология миграции и других смежных областях. И принципиальное значение придавали тому, что в схеме социального механизма очень важное место отводилось хозяйственному механизму управления экономикой, который сегодня мы назвали бы системой экономических институтов. Речь шла о том, чтобы изучить функционирование этого механизма социологическими методами, понять, что в действительности за ним стоят люди (сейчас мы сказали бы «социальные акторы»), которые его используют совершенно разными методами, а иногда вообще не используют, обходят. Именно в этом мы видели суть экономической социологии.

И тогда мы стали думать о программе курса. И так, идея есть – будем читать экономическую социологию. А *как* мы ее будем читать, что она вообще из себя представляет? Здесь уже, конечно, возникла проблема какой-то системности, определения предмета экономической социологии. На эту тему мы с Рывкиной написали статью, которая чрезвычайно возмутила Ельмеева, курировавшего специализацию по экономической социологии в ЛГУ. Он «разразился» ответной статьей в «Вестнике Ленинградского университета», где говорилось, что мы «украли» идею экономической социологии у Н. Смелсера и Р. Сведберга. Как можно украсть «идею науки», я не знаю. Кроме того, он утверждал, что эта ветвь науки жутко буржуазная, самая буржуазная из всех. Это надо было читать...

А мы потихонечку стали работать над этой темой так, как сами ее понимали – экономическая деятельность, экономическое поведение, подходы к их изучению, и одновременно шарить все-таки по возможности относительно западной литературы. Первым напали на Р.Сведберга. Помнится, он писал в предисловии к своей книге по экономической социологии, что она напоминает кита, вытасченного на берег. Кита – в силу своей громоздкости и структурных недостатков. Она действительно, как мне кажется, была немного неуклюжей. Потом читали его более поздние работы, но все-таки наша экономическая социология рождалась не из западной, а в первую очередь – от внутренних нужд нашей советской науки и практики, решала прагматические проблемы, которые перед нами стояли. Мы получали студентов-экономистов, и наша задача заключалась в том, чтобы за два последних года учебы привить им социологическое видение действительности. Лучше всего было это делать на материалах, которые относились к экономическим отношениям.

Отсюда и появилась эта несколько амбициозная, а в действительности прагматическая ориентация. Мы стали читать экономическую социологию. В первый год – примерно пополам с Р.В. Рывкиной.

– Это 1985 г.?

– Нет, раньше. Я в 1987 г. уже уехала, а на момент моего отъезда у нас уже была готова книга.

– «Социология экономической жизни»³?

– Да. Вернее, монография была почти готова, но в виде научного отчета на 25 печатных листах. Потом мы стали его дорабатывать. Все, что опубликовано в книге, – это только первые три раздела. Еще три раздела остались неопубликованными. У меня они есть. Это и хозяйственный механизм (взгляд со стороны социологии), и экономическое поведение, и социальный механизм как обобщение предыдущих разделов. Но в начале 1988 года я уехала в Москву, чтобы создать ВЦИОМ, а Р.В. Рывкина осталась в Новосибирске. Она одновременно дорабатывала второй раздел нашей общей книги, посвященный экономической культуре, и делала со своим коллективом другую книгу. Поэтому «доработка» растянулась на три года, и наша книга вышла вместо 1988 в 1991 г., да и то только первая часть. На доработку и издание второй части у нас уже, как говорится, не хватило духа. И потому, конечно, эта книга, хотя в общем и неплохая, но неполная. Просто это половина общего замысла.

– О новосибирской экономико-социологической школе этого периода достаточно много написано. Как она возникла? Как Вы пришли в социологию?

– Надо сказать, что с момента организации Советской социологической ассоциации мы, конечно, сразу в нее вошли. Это было начало 1960-х. В 1966-м г. я была на первой социологической конференции в Ленинграде, выступила с докладом о миграции сельского населения, и меня без всяких моих просьб включили в делегацию на Всемирный социологический конгресс, что было большой и приятной неожиданностью. На конгрессе мне безумно понравилось. По сравнению с экономической наукой того времени, которая, на мой взгляд, совершенно заскорузла, погрязла в догмах, тут были такие интересные темы, в общем, очень здорово все это было. С этого момента я стала переключаться с экономической науки в экономическую социологию, хотя о существовании такой науки тогда и не знала.

– А как по поводу соратников? Кого Вы в середине и в конце 1980-х гг. в России видели в качестве своих коллег, партнеров?

– В 1970-1980-х гг. мы были в советской социологии довольно-таки чужими – неким маргинальным течением. Потому что мы шли к социологии от экономики, а подавляющее большинство всех социологических центров были связаны с философией. Мы не то чтобы говорили на разных языках, но по сравнению с «философами» мы были несопоставимо больше «привязаны к земле», работая в своем экономическом институте. Поэтому нам были близки те центры или ученые, которые тоже шли в социологию от экономики. Прежде всего, это были пермский центр З.И. Файнбурга и уфимский центр Н.А. Аитова и др.

– А как складывались Ваши отношения с политической экономией и политэкономии того времени?

– Однажды Аганбегян пригласил меня на встречу, на которую он собрал местных политэкономов. И он один вопрос всем задал: «Скажите, пожалуйста, какова, на ваш взгляд, самая актуальная проблема экономической теории?» Присутствовавшие политэкономы занимались самыми разными вещами. Один говорил, что не выполняется совершенно закон

---

³ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории / Отв. ред. А.Г. Аганбегян. Новосибирск: Наука, 1991.

стоимости, другой говорил о том, что не выполняется закон распределения по труду. Третий – что не выполняется закон планомерного развития, и так далее.

– *Знакомые вещи. И что же Вы сказали?*

– Мне уже просто не о чем было говорить, потому что ответ был совершенно очевиден. Если не выполняется ни один из законов нашей политэкономии социализма, значит самая актуальная проблема – создать такую науку, которая отражала бы *реальные закономерности* экономической жизни. Аганбегян закрыл совещание и больше никогда не возвращался к этому вопросу. Поэтому какие могли быть связи с политической экономией, если вся она базировалась на должном, а не на сущем? А мы видели свою задачу в том, чтобы изучать сущее. Вы знаете, тогда была достаточно сильная установка (у меня она осталась до сих пор) на то, чтобы исследование приносило не только новое знание, но и какую-то социальную пользу. Хочется, чтобы что-то где-то, какое-то маленькое колесико чуть-чуть повернулось, что-то изменилось бы в лучшую сторону. Ну, а политэкономия того времени была чистой идеологией, просто задуриванием людей.

Естественно, в рамках экономической науки проводились серьезные исследования, «ЭКО», например, был очень живым журналом, который уделял внимание и социальным проблемам, и экономической сфере. Он прочно стоял на земле. Поэтому статьи в «ЭКО» теоретического плана, конечно, были для нас очень интересными. Но, все-таки, в основном это тоже был прагматический журнал, который скорее говорил о том, что происходит реально. В этом смысле он был очень полезен и любим публикой.

– *Раз мы перешли к журналам и к книгам, не могли бы мы вернуться в наше время. Было бы интересно спросить у Вас: какие статьи или книги в последние годы (два, три, четыре года) обратили на себя Ваше внимание, показались наиболее интересными? (И которые имеют отношение к экономической социологии.)*

– Мы говорим сейчас о широком круге современной социологической литературы, в том числе социально-экономической. Что из этого можно и нужно отнести именно к экономической социологии, я не очень хорошо себе представляю. То есть я недостаточно ясно представляю ядро этой науки, ее опознавательные знаки, которые сразу говорят: о, это точно экономическая социология. А что меня больше всего интересует в этой области, я бы сказала, что это – институциональная экономика. Вот это мне наиболее интересно. И мне кажется, что таких исследований, которые схватывают социальную суть происходящего в экономике, причем глубоко социальных по самой своей постановке, в чисто социологической литературе очень немного. Я не скажу, что читаю все выходящее в этой области, но мне, например, очень интересна была книга «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)» под редакцией Р.М. Нуреева⁴.

– *Это сборник работ его виртуальной мастерской?*

– Да, мастерской «Поиск эффективных институтов для России XXI века». По-моему, это очень удачный опыт создания дееспособного творческого коллектива. Книга говорит о субъектах экономической деятельности – людях, организациях (фирмах), семьях, преодолевая ограниченность, связанную с представлением об «экономическом человеке».

– *Кстати, больше половины авторов книги – социологи.*

– Да, и это очень приятно. Тесное сотрудничество социологов с институциональными экономистами оказалось очень плодотворным. Из других работ мне, помнится, страшно понравился доклад Г.Б. Клейнера на Отделении экономики РАН – о социологии организации и социальном механизме функционирования предприятия. У меня было такое ощущение, что

---

⁴ *Нуреев Р.М.* Трансформация экономических институтов в постсоветской России: микроэкономический анализ. Выпуск XIV. М.: МОНФ, 2000.

применительно к уровню организации он говорит о самом главном. Выделяются основные акторы: администрация, профсоюзы, работники, анализируются связи между ними, их взаимодействие. Фактически он говорит как социолог, экономический социолог. И вообще, институциональное направление экономики, по-моему, неотделимо от экономической социологии. Взять хотя бы книгу Ю.В. Латова «Экономика вне закона»⁵ – это экономическая наука или социология? Где-то граница просто теряется. У В.Л. Тамбовцева тоже есть интересные для меня идеи. Но вот такого интереса, что как будто «прибор зашкаливает», – нет. А вот когда слушала доклад Клейнера – зашкаливало.

– *А среди социологов? За два, три, четыре последних года. Статьи, книги какие-нибудь. Чтобы зашкаливало. Или близко к тому?*

– Ну, на первом месте, бесспорно, Ваши работы, тут, по-моему, не может быть сомнений. Ваша книга «Формирование новых российских рынков...» очень серьезна и по-настоящему интересна. Кстати, тщательно изучаемое Вами взаимодействие разных групп социальных акторов в экономике особенно интересно мне в связи с тем, что оно непосредственно «работает» на социальный механизм трансформации. Из других книг сильное впечатление произвела «Социология свободы» М. Шабановой⁶ – тоже в каком-то смысле экономическая социология, но вместе с тем проблематика шире. Вообще монодисциплинарные рамки для многих исследований слишком узки. Читаю статьи Е. Балабановой, А. Темницкого, Ю. Плюснина. Это хорошо, интересно, профессионально. Экономическая социология набирает силу, но уровень более или менее ровный, особых открытий не видно. Не знаю, может быть, потому в институциональной экономике «зашкаливает», что там меньше знаю, многое мне как бы в новинку. Из социологических работ очень понравилась мне статья «Вещевой рынок как социальный институт». По-моему, в последнем номере журнала «Общественные науки и современность» за 1999 г.⁷ Она основана на включенном наблюдении, автор на вещевом рынке шесть лет проработал. А теоретический уровень очень высокий, иностранные авторы только отскакивают от зубов. Я бы сказала даже, что перебор в этом отношении. Такое впечатление, что автор специально старался показать, что он не просто продавец, а квалифицированный социолог. Но безумно интересный анализ вещевого рынка «изнутри». Там и все роли, и функции, и как это все расписано замечательно. Тезаурус приложен, ставится вопрос о специфическом языке вещевого рынка, причем предварительный анализ показывает, что корни этого языка идут из «фени». Все это, мне кажется, было явной находкой. Побольше бы таких исследований. Интересна и фундаментальная книга «Неформальная экономика. Россия и мир» под редакцией Т. Шанина и с Вашим участием⁸. Это действительно крупный вклад в экономическую социологию. На хорошем уровне работают новосибирцы – Т. Богомолова, В. Тапилина, З. Калугина и др. А так, мне кажется, такого, что бы меня сильно поразило, нет... может быть, я просто сейчас не могу вспомнить. Есть действительно очень хорошие работы, но они относительно ровного уровня.

– *Ничего особо сногшибательного нет?..*

– Да, такого, чтобы... Вот этот «Вещевой рынок» поразила меня потому, что я такого просто не видела. Там ведь все социальные отношения расписаны. Интересно, что те, кого народ зовет «челноками», сами себя называют предпринимателями, а своих продавцов – рабочими.

---

⁵ Латов Ю.В. Экономика вне закона (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: МОНФ, 2001.

⁶ Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.

⁷ Титов В.Н. Вещевой рынок как социальный институт // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6.

⁸ Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.

У них институционализированные отношения с милицией, отношения с администрацией рынка. Описаны отношения администрации и милиции между собой, роль старост, ресурсы, которыми располагает каждая из этих сторон, – словом, весь социальный механизм функционирования этого института. Очень понравилась мне эта работа. Вообще, надо сказать, что на самом деле довольно много интересных исследований. Я никак не могу согласиться с тем, что социология погибла или погибает, потому что буквально любой номер журнала раскрываешь и видишь в нем что-то любопытное.

– Я с этим совершенно согласен. А сейчас заключительный вопрос: какие направления и темы исследований Вы считаете сейчас наиболее важными, интересными на будущее? Вот институциональная экономика уже названа – возможно, есть какие-то еще?

– Именно про экономическую социологию?

– Или близко к ней.

– Мне кажется, что большим недостатком нашей общественной науки, внутренне присущим ей недостатком является то, что в своих конструктивных построениях и в поисках путей выхода из той ситуации, в которой находится страна, субъектный аспект по-прежнему недооценивается. Не то чтобы он совершенно игнорировался, но во многом как бы опускается. Любой экономический или социологический доклад обязательно кончается тем, что развитие идет не в ту сторону, и чтобы исправить положение, надо сделать то-то и то-то. Обычно я спрашиваю: а какие социальные силы Вы видите, которые могли бы это осуществить? Четкого ответа нет практически никогда, зато иногда слышишь обиженный ответ: «Ну, знаете ли, если так ставить вопрос, то вообще ничего не будет». Иными словами, ответа нет.

Мне кажется, что проблема реалистического и прагматического изучения расстановки сил в обществе, их интересов и их отношений друг с другом, наличия каких-то социальных коалиций, солидарностей очень важна. Если мы говорим о судьбах общества, то экономика – это важная сфера, может быть, в чем-то решающая, но политика все-таки у нас доминирует даже над экономикой, а это – борьба социальных сил, движимых разными интересами. И я не вижу попыток ответа на свой вопрос. Социальную структуру изучают в основном как-то описательно, скорее со статусных, чем с деятельностных позиций. Опять-таки, взять массы, массовые группы. Они для нас во многом остаются своего рода черным ящиком, потому что они молчат. Но сколько они будут терпеть и молчать? Они что, вообще, как Некрасов говорил, создали песню и навеки почили? Или на самом деле что-то варится там внутри и может вылиться в совершенно неожиданной форме? Ответа на эти вопросы пока не удается найти, хотя Ю.А. Левада и его соратники делают в этом направлении много. У меня стоит много книг про прогнозы будущего России: и какое ужасное будущее ждет Россию, и оптимистические сценарии, и рецепты, как ее спасти. Все Россия, Россия, Россия. Но кто и как это осуществит? Может быть, бюрократия? Или олигархи? Прекраснодушных проектов сколько хочешь можно придумать, а, собственно говоря, кто будет их исполнять и почему, под влиянием каких интересов?

Вот последняя передача «Куклы» (я их не смотрела уже тысячу лет, а тут решила посмотреть). Там Путин представлен в образе Бэтмена. Он видит, что не решается ни одна проблема (а он еще пока не Бэтмен, просто сидит в его костюме). И он в отчаянии – все горит, рушится, какие-то банды появляются здесь и там. И он берет своего слугу, в роли которого Волошин, и едет всех спасать, едет по горячим точкам. Приезжает на нефтяной завод, а там все сгорело. Хочет спасти какого-то человека, тоже не удается. Короче говоря, везде он опаздывает, ничего у него не получается, разорваться он не может, возвращается грустный, усталый и говорит: «Я хотел так много сделать, но ничего у меня не вышло». А ему отвечают: «Ну, почему, наоборот, очень даже много у Вас вышло». Включают телевизор, а там показывают, что этот самый Бэтмен сегодня сжег нефтяной завод, всех убил и т.д. И он оказался во всем виноват.

Шутка шуткой, а ведь на самом-то деле так оно и есть! Сколько на него, на президента вешают сейчас. Например, про Олимпиаду, почему он не выступил? Что это за такое общество, которое все вешает на одного человека? Никто ничего не хочет делать, а во всем виноват один. Ведь ясно же, что он не может все и всех спасти. А кто может? И что может каждый из нас? И как? Вот этот вопрос, мне кажется, требует ответа. Я все-таки убеждена, что не один человек и даже не одна элита все решает, что само общество решает свои собственные судьбы. Но здесь уже начинаются проблемы, связанные со средним слоем, с гражданским обществом. Ну как тут удержаться в рамках экономической социологии? Экономика и политика настолько тесно сращены в реальной нашей жизни, что выделить предмет собственно экономической социологии бывает трудно. Но экономсоциологи, как мне кажется, вносят достаточно серьезный вклад в развитие общественной науки России.

* * *

Т.И. Заславская – автор более 500 научных работ. Среди них:

Монографии

1. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
2. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы (автор глав 1–6, 8; редактор). 1999.
3. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М.: Аспект-Пресс, 1997. 300 с.
4. Социология экономической жизни: очерки теории / Отв. ред. А.Г. Аганбегян. Новосибирск: Наука, 1991. 448 с. (в соавторстве с Р.В. Рывкиной).
5. The Second Socialist Revolution. An Alternative Soviet Strategy. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 241 p.
6. A Voice of Reforms: Essays. Armonk, N.Y. : M.E. Sharpe, 1989. 191 p.
7. Социально-экономическое развитие западно-сибирского села» (автор, редактор). Новосибирск: Наука, 1987.
8. Методология и методика системного изучения советской деревни» (руководитель коллектива, автор, редактор). Новосибирск: Наука, 1980.
9. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ (руководитель коллектива, автор, редактор). Москва: Статистика, 1980.
10. Развитие сельских поселений: лингвистический метод типологического анализа социальных объектов. (руководитель коллектива, автор, редактор). 1977.
11. Миграция сельского населения (руководитель коллектива, автор, редактор). М.: Мысль, 1970.
12. Распределение по труду в колхозах. М.: Экономика, 1966.

Статьи

Тексты статей, обозначенных «звездочкой» (*), можно найти на сайте Т.И. Заславской <http://www.msses.ru/tiz/index.html>.

1. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 3–16.
2. Социальная структура российского общества: взгляд через трансформационный процесс // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2002. № 4. С. 7–13.
3. О социальном механизме расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: МВШСЭН, 2002. С. 3–16.
4. Проблема институционализации неправовых практик в сфере труда // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М.: МВШСЭН, 2002. С. 11–20. (в соавторстве с М.А. Шабановой).
5. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3–15. (в соавторстве с М.А. Шабановой)
6. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3–32. (в соавторстве с М.А. Шабановой).
7. Социоструктурный аспект трансформации российского общества. Демидовская лекция // Социологические исследования. 2001. № 8. С.3–11.
8. * Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. (в соавторстве с М.А. Шабановой).
9. Инновационный потенциал России и проблемы гражданского общества // Гражданское общество в России: Проблемы самоопределения и развития. М.: Соверо-Принт, 2001. С. 18–29.
10. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 222–235.
11. О социально-трансформационной структуре российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2000. № 1. С. 15–19.
12. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформации общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2000. № 6. С. 13–18.
13. * Социально-трансформационная структура России // Общество и экономика. 1999. № 3–4. С. 17–27.
14. Экономическая социология – новое научное направление (1985-1990) // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 71–90.
15. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3–21. (совместно с Р.Г. Громовой).
16. О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М.: Аспект-пресс, 1999. С. 133–143.
17. Новосибирская социологическая школа: установка на модернизацию экономики и общества // ЭКО. 1998. № 7. С. 24–38.
18. Социальные результаты реформ и задачи социальной политики // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело, 1998. С. 3–15.

19. Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник РГНФ. 1998. № 3. С. 132–147.
20. Постиндустриализм и социальная реальность России // Социальные императивы постиндустриализма. Материалы круглого стола. М.: ИЭ РАН, 1998. С. 32–40.
21. Социальная структура современного российского общества. // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–22.
22. Проблема демократической переориентации экономики в свете современной социальной ситуации в России // Общество и экономика. 1997. № 2.
23. К оценке социальных итогов экономических реформ в России // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М.: Аспект-Пресс, 1997.
24. * Социоструктурные предпосылки жизнеспособности российского общества // The Validity of Precommunist, Communist and Post-Communist Russia, 1997.
25. Роль социологии в процессе преобразования российского общества // Социологические исследования. 1996. № 1.
26. * Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5–21.
27. О бизнес-слое российского общества // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
28. Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 1993. № 2. С. 3–8.
29. * Социальная справедливость: шесть лет спустя // Свободная мысль. 1992. № 1.
30. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. 1991. № 8.
31. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М., 1989. С. 3–45.
32. Экономическая социология: объект, основные категории и методические принципы конкретных исследований // Методологические проблемы экономической науки. Новосибирск: Наука, 1988. (в соавторстве с Р.В. Рывкиной)
33. Актуальные проблемы экономико-социологической теории // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. Вып. 3. № 13. С. 3–14.
34. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // В научном поиске: политическая экономия социализма сегодня. М.: Экономика, 1987.
35. Роль социологии в ускорении развития советского общества // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 3–15.
36. Экономическая социология: новое научное направление // Будущее науки. Ежегодник. М., 1986. Вып. 19. С. 223–245. (в соавторстве с Р.В.Рывкиной)
37. О предмете экономической социологии // Общественные науки и современность. 1986. № 1. (в соавторстве с Р.В.Рывкиной)
38. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 61–73.
39. Экономика сквозь призму социологии // ЭКО. 1985. № 7. С. 3–22.
40. О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск: ИЭиОПП, 1985. С. 8–29.

41. О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Серия «Экономика и прикладная социология». 1984. Вып. 1, № 1. С. 9–20. (в соавторстве с Р.В.Рывкиной)
42. О формировании экономической социологии в Новосибирском научном центре // Новые научные направления и общество. Ленинград: Наука, 1983. С. 213–226. (в соавторстве с Р.В.Рывкиной)
43. Новосибирский манифест» (1983 г.): «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Доклад на научном семинаре «Социальный механизм развития экономики» (Новосибирск, ИЭиОП СО АН СССР, 1983). Впервые опубликован с грифом «Для служебного пользования». Полный текст доклада опубликован в кн.: A Voice of Reform: Essays by Tatiana Zaslavskaya / Ed. by M. Yanovitch. N.Y., L.: M.E.Sharp, 1989. P. 158–184. Краткое изложение опубликовано в журнале: Знание-Сила. 1985. № 3.